

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В. М. МЕЖУЕВ

**Социализм —
пространство
культуры
(Еще раз
о социалистической
идее)**

Говорить и писать сегодня о социализме очень трудно: на всем, что можно сказать по этому поводу, лежит отпечаток нашего прошлого. Одни его ненавидят и проклинают, другие оправдывают и даже восхваляют, третьи принимают с теми или иными оговорками. Отсюда разное отношение к социализму: для одних он — то, что было, для других — что так и не состоялось. Но в чем, несомненно, сходятся те и другие — это в признании полного краха общества, которое мы называли когда-то социалистическим.

«Реальный социализм» явно не состоялся. Он потерпел поражение во всех областях — экономической, политической, идеологической, в борьбе за мировое лидерство. Никто не верит в возможность его реставрации. Но означает ли это, что потерпела крах, оказалась несостоятельной и социалистическая идея? Все попытки возложить на нее ответственность за пороки существовавшей у нас системы не кажутся мне слишком убедительными. Идеями еще нужно уметь пользоваться. Они способны оборачиваться собственной противоположностью в руках тех, кто не готов к их восприятию ни исторически, ни нравственно, ни культурно. К сожалению, такова судьба многих идей, попадавших на неподготовленную для них почву. В истории было пролито немало крови во

имя самых возвышенных, но неверно понятых или ложно истолкованных идей. Призывы к свободе

приводили к анархии и насилию, лозунги народовластия — к тотальной власти государства над личностью, стремление к равенству — к нетерпимости ко всякой яркой индивидуальности. Разве имевшие место в истории примеры злоупотребления свободой отвергают саму идею свободы, ее непреходящую ценность для человека? Отрицая с первым и второе, мы рискуем никогда не достигнуть состояния свободы.

Идеи обычно живут до тех пор, пока существуют люди, верящие в них. Сегодня людей с социалистическими убеждениями явно поубавилось, но они есть, и никто не может гарантировать, что завтра их не будет больше. Потому и вопрос о том, чем является социализм — утопией, ложной химерой, злым умыслом или общественно значимой идеей — остается открытым. Как средневековое общество не во всем совпадало с моральными заповедями христианства, господствовавшего тогда в общественном сознании, так и общество «реального социализма» далеко разошлось с идеалами и целями социализма. Будущий историк не пройдет мимо очевидного факта колоссального разрыва между теорией и практикой социализма, провозглашенными лозунгами и достигнутыми ре-

зультатами. И как конец Средневековья не сопровождался гибелью христианства, хотя и породил атеистическое умонастроение, так завершение эпохи «реального социализма», подняв волну антикоммунистических настроений, не обязательно повлечет за собой исчезновение самой идеи.

Правда, ставить о ней вопрос в наше время — довольно рискованное дело: легко прослыть в общественном мнении отставшим от жизни человеком, так ничему и не научившимся «совком», ретроградом и мастодонтом, а то и еще хуже. На фоне огромной и постоянно издающейся литературы о либерализме, консерватизме, национализме, патриотизме и прочих «измах», текст, посвященный социализму, выглядит в глазах многих если не анахронизмом, то мало интересным и никому не нужным, не способным содержать в себе ничего нового. Большинство уверено, что о социализме-то они знают абсолютно все, на собственном опыте убедились, что это такое. А то, что социализм не менее, чем либерализм и консерватизм, определяет собой лицо Нового и особенно Новейшего времени, является одной из тех идей, без которых нельзя понять природу и логику развития общественной мысли в этот период, ничего не значит для людей, живущих исключительно сегодняшним днем. Потому они, видимо, никак не могут вписаться в это время, постоянно попадают на его обочину. Рано или поздно надо все же прервать дурную традицию восхвалять и поднимать до небес одно, опуская ниже всякого уровня другое, чтобы затем поменять их местами. Мы перестанем быть историческим недоразумением не тогда, когда, покончив навсегда с социализмом, воспоем либерализм или национализм, а когда поймем, что все они друг без друга существовать не могут.

СОЦИАЛИЗМ КАК ИДЕЯ И КАК РЕАЛЬНОСТЬ

О социализме принято говорить в разных смыслах и значениях. В нем видят *идеологию*, обосновывающую необходимость определенных социальных изменений, *политиче-*

ское движение, представленное разными партиями — от радикальных до умеренных, существовавшую у нас и еще кое-где существующую *реальность* со своим особым социальным порядком и институтами власти. Во всех этих значениях социализм, несомненно, достоин научного изучения. Наука не может пройти мимо того, что имело место в истории, стало историческим фактом, какую бы оценку этому факту мы ни давали сегодня. Но вот в чем отказано в наше время социализму, так это в праве считаться научной теорией, претендовать на статус хотя бы научной гипотезы.

Признавая существование людей с социалистическими убеждениями, социалистического движения и даже социалистической реальности, мало кто видит в социализме теоретическую идею, способную конкурировать на равных с другими в объяснении хода и направления современного общественного развития. За социализмом прочно укрепилась репутация ложной идеологии, в лучшем случае утопии, которой ничто не соответствует в действительном мире. По словам, например, Ф. А. Хайека, «социализм — одно из наиболее влиятельных политических движений нашего времени — основывается на явно ложных посылах. Пускай он вдохновляется благородными намерениями, пусть во главе его стоят некоторые из лучших умов нашего времени — из-за него оказывается под угрозой уровень жизни, да и сама жизнь значительной части человечества»¹. Хайек не отрицает наличия в социализме разумного элемента, но считает, что он воплощается здесь в «наивную и некритичную рационалистическую теорию, устаревшую и ненаучную методологию», названную им «конструктивистским рационализмом»², то есть искусственным и волюнтаристским вмешательством разума в эволюционный процесс.

Подобная оценка социализма была бы в чем-то справедливой, если бы ограничивалась только его советской версией. За пределами своей исторической родины — Европы — социализм действительно мало кого сделал счастливым и был часто причиной не-

исчислимых бед и страданий. Для Хайека ложь социализма объясняется его упованием на силу и мощь человеческого разума, способного якобы во всех деталях предугадать направление исторического развития, с нашей точки зрения, беда социализма — в отсутствии у политиков как раз элементарной разумности в понимании и практическом осуществлении социалистической идеи.

Несостоятельность «реального социализма» ни в чем не проявилась так отчетливо, как именно в сфере сознания. Безграмотность партийных вождей в вопросах теории социализма, их пренебрежение задачами ее модернизации, обогащения новыми фактами и гипотезами, соответствующими современным реалиям, создали ей репутацию какого-то архаического и догматического монстра. «Научный коммунизм» советского образца стал предметом всеобщего презрения и насмешки, примером схоластики, лишенной какого бы то ни было научного дискурса. Не потому ли конец этой псевдонаучной дисциплины был встречен всеми с чувством явного облегчения? Интеллектуальный кризис «реального социализма» стал причиной и всех остальных его кризисов. Бог наказал систему тем, что лишил ее разума.

Важно, однако, разобраться в том, что привело к этому кризису. Его истоком, по нашему мнению, стал созданный Сталиным миф о «победившем социализме». Даже Ленин считал, что социализма у нас нет и еще долго не будет, что ему предшествует длительный переходный период с элементами рынка и частной собственности. Через двенадцать лет после смерти Ленина Сталин объявил, что социализм «в основном» построен, выдав за него сформированную им систему полуфеодалного принуждения к труду и государственного насилия над личностью. Идея была отождествлена с реальностью. Вопрос о том, в каком отношении эта реальность находится к идее социализма, по тем временам даже не ставился. Уже тогда о социализме стали судить не по его теоретической модели, а по идущим сверху политическим акциям, которые каждый раз

и подверстывались под идею социализма. Выдав за социализм свой образ мыслей и действий, власть в конечном счете, отождествила его с собственным существованием, рассуждая по известной формуле «социализм — это я». Социализм был приравнен к его сталинской версии и с тех пор воспринимается многими как ее синоним.

В итоге реальность была идеологизирована, что исключало возможность ее критического осмысления, а идея вульгаризирована. Социализм как бы проделал обратный путь от науки не к утопии даже, а к мифу, выдающему за реальность то, что ею вовсе не является. Этот миф и сегодня владеет умами как защитников, так и противников социализма. Те и другие свято верят, что жили при социализме, что никаким другим он быть не может. Но если для первых защита социализма тождественна оправданию сталинизма, то для вторых борьба со сталинизмом равнозначна антисоциализму и антикоммунизму.

Элементарная научная добросовестность заставляет при анализе любой идеи отделять ее от политики, которая проводилась якобы во имя ее осуществления. Можно спорить о том, в какой мере эта идея является теоретическим заблуждением, но неправильно считать доказательством ее ошибочности деятельность конкретной политической партии, находящейся у власти. Преследуя собственные цели, такая партия менее всего руководствуется логикой теории. История знает много примеров разрушительной силы идей, как только они соединялись с властью. При желании не только социалистическую, но и любую другую идею можно превратить в нечто устрашающее для людей. Как известно, их отправляли на костер или гильотину не только во имя социализма. И кого потом винить за это — идею или политиков?

Разговор о социализме, освободившемся от былой сращенности с властью, можно, наконец, перевести из плоскости политической, в какой он обычно велся, в плоскость теоретическую. Для кого и сейчас социализм — всего лишь политический и партийный лозунг, а не теоретическая идея, подлежащая,

как и любая другая, научному обсуждению, рискует навсегда остаться политическим маргиналом. Если кому-то и кажется, что «философские рассуждения» о социализме уводят в сторону, далеки от жизни, то на это можно возразить следующим: ничто так не дискредитирует идею в сознании людей, как ее монополизация партийными идеологами. Их кажущаяся близость к жизни, не подкрепленная близостью к науке, ничего хорошего, как правило, этой жизни не сулит.

В равной мере не следует придавать серьезного значения тем критикам этой идеи, кто поспешил сдать ее в архив, объявить исторически преодоленной, лишенной всякого позитивного смысла. Наши либералы, кичащиеся своей европейской просвещенностью, и консерваторы, хранящие верность дореволюционной и православной России, хотя бы для видимости поинтересовались тем, как эту идею оценивают ныне видные западные интеллектуалы и чем она была для многих поколений русской интеллигенции. В своем безоговорочном ее отрицании они равно далеки как от тех, так и от других. Не все, конечно, в Европе и России защищали и защищают социалистическую идею, но без нее нельзя представить себе идеологическую и политическую ситуацию, как она сложилась сегодня на Западе и в остальном мире, нельзя всерьез заниматься политикой, если, конечно, не сводить ее к политической демагогии и пропагандистскому пустозвонству.

Вопрос о взаимоотношении политики и науки вообще и применительно к социализму в частности — большая и сложная тема. Что давно признано правом писателя или художника — творить без оглядки на политическую конъюнктуру, является, видимо, и правом ученого, в том числе ученого-обществоведа. Наука внепартийна и только в таком качестве может претендовать на истинность, объективность своих выводов и обобщений. Во всяком случае, политический и научный разум — не совпадающие между собой величины. Мыслительное пространство, в котором циркулируют идеи, и пространство политическое не образуют пока едино-

го целого. И если считать политику делом практическим, а науку — теоретическим, то отношение между ними далеко еще от состояния полной гармонии и взаимопонимания.

Совпадение теории с практикой не следует понимать буквально. Ссылаясь в доказательство необходимости такого совпадения на Маркса, мы не заметили, что оно достигается, с его точки зрения, лишь на этапе преодоления человеком своего отчуждения от собственных сил и отношений. Требовать его от каждого конкретного этапа истории — значит придавать теории характер сугубо эмпирического и инструментального знания. Какой прожитый человечесеством период может служить доказательством практической реализуемости идей свободы, равенства и братства? В любом обществе можно найти им как подтверждение, так и опровержение. Неизменным остается лишь стремление людей к их практической реализации.

Применительно к идее социализма установка на ее непосредственное совпадение с практикой особенно порочна. На ней основывается и ложь тех, кто отождествил эту идею с существовавшим у нас обществом, и тех, кто усмотрел в этом обществе доказательство ошибочности идеи. Политики, провозглашающие социализм своей целью, должны учитывать сохраняющуюся пока несоизмеримость этой цели с достигнутым уровнем общественного развития. Нельзя обманывать себя и других, полагая, что социализм есть задача сегодняшнего дня, что его уже сейчас можно полностью реализовать на практике. Подобная поспешность, продиктованная политическим расчетом, вредит теории, сводит к сиюминутным нуждам и заботам, возможно, важным с практической точки зрения, но весьма заниженным по отношению к смыслу и масштабу самой теории. Под социализмом, например, многие понимают социальную защиту беднейших слоев населения со стороны государства, перераспределение общественного богатства в пользу слабых и неимущих. Цель благородная. Но при чем тут социализм? Чтобы помочь бедным, не нужно быть социалистом.

Социализм не против материального благополучия людей, но не в этом состоит его собственное историческое предназначение.

Важным условием постижения истинного смысла социалистической идеи в современном мире является уяснение ее связи с марксизмом. Не отрицая выдающейся роли Маркса в развитии социалистической теории, важно разобраться, в чем его версия социализма, далеко не единственная в истории социалистической мысли, уже устарела, не соответствует реалиям сегодняшнего дня, а в чем сохраняет и сейчас свою теоретическую истинность и ценность.

Социализм в трактовке Маркса претендовал на как бы двойной синтез — на свое соединение с рабочим движением (пролетарская версия социализма) и соединение с наукой (научный социализм). В таком истолковании он как бы хотел сочетать в своем лице и научную теорию, и классовое самосознание пролетариата, то есть быть чем-то вроде «пролетарской науки». В подобной двойственности и заключалось исходное противоречие марксизма. Будучи направлено против всяческой идеологии, оно по иронии истории было истолковано учениками и последователями Маркса как идеология по преимуществу, хотя иногда с добавлением эпитета «научная». Для самого Маркса понятие «научная идеология» столь же неприемлемо, как, например, и словосочетания типа «народное государство», «казарменный коммунизм» и пр. Идеология несовместима с наукой, поскольку, будучи классовым сознанием, лишена достоинства всеобщего знания. Что же предопределило неудачу этой главной претензии марксизма — быть не идеологией, а наукой?

Причина заключалась, конечно, в самом марксизме, попытавшемся сочетать несочетаемое — научность с классовостью, желание быть всеобщим знанием с интересами пролетариата. Правда, стремясь избежать этого противоречия, Маркс попытался изобразить пролетариат в качестве «всеобщего класса», чьи интересы выражают интересы всего общества, в пределе — всего челове-

ства. Поэтому сознание этого класса также является всеобщим, то есть научным. Представление о всемирно-исторической миссии пролетариата, несущего человечеству освобождение от власти капитала, оказалось в воззрениях Маркса самой большой идеологической иллюзией. Будучи относительно справедливым в эпоху раннего капитализма с его массовой пролетаризацией общества, оно перестало соответствовать действительности на его последующих стадиях.

В условиях позднего капитализма рабочий класс обнаружил тенденцию к своему не только количественному сокращению, но и качественному преобразованию, все больше обретая черты не столько класса, сколько профессии, уступая место главной производительной силы работникам умственного труда. Потому и представлен он сегодня в обществе не столько политическими партиями, сколько профсоюзами. Рабочее движение в наше время утратило характер политической борьбы за власть, напоминая больше экономический торг за более выгодные условия труда. Оно уже давно не испытывает потребности к объединению во всемирном масштабе, локализуясь по отдельным странам. Да и сами социалистические партии на Западе менее всего напоминают сегодня политические организации рабочего класса, проникнутые духом пролетарской солидарности и интернационализма. В этой ситуации представление о пролетариате как «могильщике капитализма» со всей очевидностью обнаружило свою иллюзорность и идеологическую предвзятость. После Маркса «верные марксисты», которые не захотели расстаться с этой иллюзией, довершили процесс превращения марксизма в идеологию, причем за счет даже тех элементов научности, которые в нем содержались.

Впоследствии Ленин пришел к выводу, что рабочие собственными усилиями не могут выработать правильного, то есть марксистского, понимания своих интересов, что оно должно вноситься в рабочее движение извне — революционно мыслящей и антибуржуазно настроенной интеллигенцией.

«Внесение сознания» обернулось затем его насильственным навязыванием, идеологическим диктатом партии «профессиональных революционеров». Круг, что называется, замкнулся: учение, противопоставлявшее себя при своем зарождении любой идеологии, стало орудием невиданного в истории идеологического насилия, практически лишившего его ранга научной теории.

Нет смысла перечислять здесь остальные «ошибки» Маркса, естественные для любого мыслителя, претендующего не на абсолютную истину, а на ту, которая доступна ему в обстоятельствах его времени. Разумеется, многое сегодня выглядит не так, как в середине XIX века. Капитализм стал другим, найдя новые источники своего экономического роста, связанные прежде всего с применением знания, с развитием информационных систем. Не количество затраченного живого труда, а качество продукции, производство которой базируется на принципиально новых технологиях, стало главным источником получения прибылей, поставив под сомнение всю трудовую теорию стоимости. Само понимание капитализма как общества непримиримой классовой борьбы между трудом и капиталом требует существенной корректировки. В своем нынешнем виде капитализм оказался способным реализовать многие программные установки социализма, как он мыслился в позапрошлом веке. Между капитализмом и социализмом уже трудно увидеть ту разграничительную черту, заполненную революциями и насильственными переворотами, которая раньше считалась обязательной при переходе от одного к другому. Сама пролетарская версия социализма с ее верой в освободительную миссию рабочего класса сегодня уже никем не принимается всерьез.

Но остается все-таки главное — поиск такой формы общественного бытия, в которой человек, освобождаясь от власти возвышающихся над ним экономических и политических институтов, получает возможность безграничного развития своих способностей и талантов. Отказаться и от этого — значит

отказаться не только от марксизма и социализма, но и от европейской культуры, сделавшей человека целью и смыслом своего развития. Если европейская классическая культура полагала в качестве своего идеала свободную в своих замыслах и свершениях человеческую личность, то социальная мысль на Западе, пока она сохраняла связь с культурой, вдохновлялась поиском общественной формы, которая была бы адекватна этому идеалу. Поиск этот не завершен до сих пор. И пока он ведется, направление, какое придал ему Маркс, сохраняет свое значение и силу.

Теперь коротко о термине «социализм». Известно, что сам Маркс называл себя не социалистом, а коммунистом. В «Манифесте» он вместе с Энгельсом подверг критике все существовавшие к тому времени разновидности социалистической мысли — социализм реакционный (феодалный, мелкобуржуазный и «истинный»), консервативный, или буржуазный, и утопический. Социализм, как они считали, способен выражать интересы любого класса — аристократии, крестьянства, буржуазии и пролетариата, причем последнего в тот период его истории, когда он еще не развит, когда отсутствуют предпосылки для его реального освобождения. Коммунизм же для них — это, прежде всего партия, которая, во-первых, выражает интересы всего международного пролетариата как сложившегося класса в отличие от интересов его отдельных национальных групп, во-вторых, лучше других партий понимает условия и конечные цели пролетарского движения. Иными словами, в отличие от утопического социализма, рисующего фантастические картины будущего общества, коммунизм есть синоним реально происходящего общественно-политического — рабочего — движения.

У Энгельса термин «научный социализм» (в работе «О превращении социализма из утопии в науку»), будучи синонимичным коммунизму, обретает новый оттенок. На первый план здесь выходит не столько общественно-политическая, сколько теоретическая сторона коммунистического движения,

система его воззрений на историю и ход ее развития. «Научный социализм» для Энгельса — не партия или движение, а особая исследовательская программа, научная теория, базирующаяся на таких открытиях Маркса, как материалистическое понимание истории и трудовая теория прибавочной стоимости. Отсюда никак не следует, что социализм есть первая фаза коммунизма, особое общественное состояние, предшествующее полному коммунизму. Похоже, что такая трактовка социализма родилась в среде русских марксистов, была, в частности, инициирована Лениным в его работе «Государство и революция». В «Критике Готской программы» Маркс говорит о двух фазах — низшей и высшей — коммунизма, но не называет первую из них социализмом. Социализм — не фаза, не ступень будущего общества, а система теоретических воззрений, что и фиксируется в эпитете «научный». К коммунизму он относится как теория к практике, мысль к действию, наука к реальному движению. Поэтому в плане марксистской теории нет необходимости проводить различие между социализмом и коммунизмом, хотя в политической практике XX века люди, называвшие себя социалистами и коммунистами, далеко разошлись между собой.

КУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ

С чем бы в прошлом ни связывалась социалистическая идея — а в ней, естественно, было много надуманного, утопического и даже реакционного, несущего на себе печать неизжитой патриархальщины, — она в конечном счете явилась концентрированным выражением тех претензий, которые можно предъявить европейской *цивилизации* со стороны европейской же *культуры*. В отличие от цивилизации, для которой движущей силой развития в Новое время стали интересы *частного лица*, принципом существования европейской культуры в ее классических образцах (начиная с эпохи Возрождения) явилась *творчески реализующая себя личность, свободная индивидуаль-*

ность (о различии между частным и индивидуальным будет сказано ниже). С позиции этой индивидуальности и ведется в социалистических учениях критика цивилизации.

В истоке социалистической мысли лежит, следовательно, гуманистическая установка европейской культуры. Не случайно первые утописты (Томас Мор, например) почитаются и как выдающиеся гуманисты своего времени. Маркс был во многом прав, назвав коммунизм «реальным, или практическим, гуманизмом», продолжением и развитием гуманистической традиции Нового времени. При всем расхождении между разными вариантами социализма сама идея социализма возникла как следствие осознания западными интеллектуалами образовавшегося разрыва между культурой и цивилизацией — творчески реализующей себя свободной индивидуальностью и частными формами жизни людей в буржуазном обществе, а также поиска путей преодоления этого разрыва в пользу культуры.

Отсюда ясно, что носителями социалистического сознания в обществе являются не столько работники физического труда, сколько те, кто живет за счет своего интеллекта, создает новые знания и технологии. Своими корнями это сознание уходит в образ жизни и менталитет общественного слоя, который на Западе принято называть интеллектуалами, а у нас научной и творческой интеллигенцией. Даже у Маркса при всей его пролетарской ангажированности представление о будущем обществе скроено «по образу и подобию» людей интеллектуального, творческого труда, усматривающих в таком труде основу и смысл собственного существования. Именно для них наилучшим является общество, которое гарантирует человеку право на такой труд. А уж как называть это общество — дело второе.

По своей природе люди творческого труда никогда не примирятся с властью над ними не только государства, но и денежного капитала. Но только такую власть и призван оспорить социализм (подобно тому, как либерализм отвергает всевластие государства).

И как либерализм означает не уничтожение государства, а его перевод в правовое и конституционное пространство, так и социализм вопреки своим крайним революционным версиям призывает не к насильственной ликвидации частной собственности и рынка, а к постепенному ограничению их власти над человеком. И достигается это ограничение максимально возможным на данный момент сужением пространства «экономической необходимости» и вытекающим отсюда расширением пространства («царства») свободы, которое можно назвать также *пространством культуры*. Рынок не ликвидируется, но постепенно ограничивается в своих притязаниях на тотальную власть в обществе (следовательно, и над человеком), уступая главенствующее место иным — вне рыночным — формам производства и общения. Запретами и насилем над рыночными отношениями эту задачу не решить. Кто не усвоил этого главного урока XX столетия — пагубности для социализма любой формы насилия, тот не только не понял сути и смысла социалистической идеи, но придал ей вид, вызывающий у всех здравомыслящих и морально ответственных людей вполне оправданное отторжение.

В своей структурной сложности общество, как известно, не исчерпывается сферами экономической рациональности и государственной целесообразности. Существует и духовная сфера, в которой люди руководствуются ценностями иного порядка — моральными, эстетическими, познавательными. Как бы ни называли ее — сферой «духа», свободы, культуры, подлинно человеческой коммуникации — именно она являет собой наиболее глубокий, фундаментальный пласт человеческой истории. К этому слою и обращена социалистическая мысль. В самом общем виде социализм есть идея общества, живущего по законам культуры, отдающего им приоритет перед экономическими и политическими законами. В связке «экономика — политика — культура» он выдвигает культуру на первое место, ставя в зависимость от нее все остальные общественные отношения, институты и учреждения. Соци-

алистическое видение общества в отличие от экономического и политико-правового можно с этой точки зрения назвать культурологическим (точнее — гуманистическим), или собственно человеческим.

На одном лишь экономическом и политическом пространстве социализм явно проигрывает по сравнению с другими направлениями общественной мысли. Что может противопоставить он либеральной теории правового государства и свободного рынка? Существовавшие у нас политическая экономия социализма и теория социалистического государства всегда вызывали сомнения в праве называться наукой (и раньше было трудно понять, что такое социалистическая экономика и социалистическое государство). Таких наук нет у Маркса и Энгельса, им нельзя найти аналога и в общественной мысли на Западе. Даже у Маркса социализм отождествлялся с реальностью, существующей по иным, чем экономика и государство, законам и правилам. И в качестве теории он был не продолжением, а своеобразным преодолением экономического мышления (вспомним хотя бы подзаголовок «Капитала» — критика политической экономии), его критикой — в смысле отрицания не экономической науки, а ее претензии быть основополагающим знанием об обществе на все времена. В равной мере это относится и к юридически-правовой науке.

В противоположность «некритическому позитивизму» экономических теорий, абсолютизирующих и увековечивающих существование экономики в качестве базиса общества, выводящих ее за рамки исторического рассмотрения, «научный социализм» взял на себя функцию *критики экономического детерминизма* в историческом развитии. В той же мере он заключал в себе критику не только товарного, но и государственно-правового фетишизма. Критика здесь — не отрицание экономики и государства, а установление исторических границ их существования в качестве базовых общественных институтов. Наблюдаемое в этих границах соперничество между государством и рынком за их право воздействовать на общественную

жизнь людей стало отличительным признаком всей *истории цивилизации*. На ее заключительном этапе, отмеченном расцветом капиталистической экономики, эта роль, несомненно, перешла к рынку. Социализм согласно Марксу является в этом смысле исторической альтернативой не капитализму только, но всей предшествующей цивилизации, которая на этапе капитализма достигает своего наивысшего подъема. «Великую цивилизирующую роль капитала» Маркс никогда не отрицал. И если бы мы хотели ограничить историю человечества только историей цивилизации, то лучше капитализма ничего не придумали бы.

Но ведь помимо истории цивилизации существует еще и история культуры. Обе они почему-то до сих пор плохо «стыковались» друг с другом, оказывались во взаимоисключающем отношении. На этапе капитализма такая нестыковка становится особенно наглядной. Четко обозначившийся на этом этапе конфликт между цивилизацией и культурой стал предметом обсуждения для разных направлений философской и общественной мысли Нового времени, включая и марксизм. Последний усмотрел источник этого конфликта в *общественном разделении труда*, разрушившем первоначальную цельность человеческой деятельности, а следовательно, и самого человека. По мысли Маркса, цивилизация в ходе своего развития постепенно, но неуклонно проводила принцип общественного разделения людей через все сферы их общественной жизни — разделение труда, собственности, власти, сознания и пр. История цивилизации демонстрирует в этом смысле победу разделенного, или *частного*, индивида над всеми коллективными формами его жизни на доцивилизационной ступени развития, на которой части еще не выделились из целого, сливаются друг с другом в какой-то однородной и неразличимой внутри себя общности. Но частное — не синоним индивидуального. В обществе частных (разделенных) интересов индивидуальное есть скорее юридическая или эстетическая видимость частного, чем его

реальная характеристика. Части на то и части, что удерживаются в составе целого по причинам, от них независящим, вне их находящейся силой — то ли возвышающимся над ними государством, то ли механизмом товарного производства и обмена, вплоть до господства денег и капитала. Компенсацией разделения людей на частных индивидов стала концентрация на другом полюсе цивилизации развившихся до всеобщности, но существующих в отрыве, отчуждении от большинства людей их собственных сил и отношений. Вся цивилизация движется в этой противоположности частного и всеобщего, каждая из которых в отрыве от другой тяготеет к чистой абстракции. Цивилизация объединяет людей как частных, или абстрактных, индивидов, то есть связывает узлами, не имеющими прямого отношения к их личности, индивидуальности. В этом смысле ей и противостоит культура, принципом которой является связь людей как свободных, обладающих своим неповторимым лицом индивидуальностей.

Можно ли такую связь сделать — если не сразу, то хотя бы постепенно — не исключением из общего правила, а всеобщим основанием общественной жизни? Иными словами, можно ли, не отвергая положительных результатов предшествующего развития, положить в основание общественной жизни людей их существование не как абстрактных (частных) индивидов (цивилизационный принцип), а как личностей с присущими ей индивидуальными особенностями и различиями (культурный принцип)? В терминах социально-исторической теории Маркса оба эти принципа различаются как *капитализм* (высшая фаза цивилизационного развития) и *коммунизм* (уходящая в историческую бесконечность культурная альтернатива этому развитию). Переход от одного к другому — в смысле сроков и способов осуществления — в разное время может видеться по-разному, но в любом случае представляется неизбежным с точки зрения реализации права человека на свою не только частную, но и индивидуальную жизнь. За набившей оско-

мину терминологией скрывается проблема, актуальная и для нашего времени.

По словам Раймона Арона, в критике Марксом современного ему общества «с надеждой реализации идеала целостного человека в результате простой замены одной формы собственности другой выражены одновременно величие и двусмысленность марксистской социологии»³. Здесь, как считает Арон, социологическая по своей сути теория становится философией. В чем же состоит ее двусмысленность? У Маркса, полагает Арон, неясно, какой вид человеческой деятельности соответствует этому идеалу. «Если сугубо человеческая деятельность не определена, то остается опасность возврата к понятию целостного человека, отличающемуся крайней неопределенностью»⁴. Маркс, утверждает Арон, нарисовал прекрасный идеал общества, но не указал пути его реализации. Как будет показано ниже, такое обвинение совершенно беспочвенно, поскольку не учитывает сказанного Марксом по поводу «всеобщего труда» и «свободного времени». Здесь же отметим, что «целостный человек» в изображении Маркса — не абстрактный философский идеал, а вполне земное существо, следы которого следует искать, однако, не в экономике или государстве, а в культуре. Превращая без всяких на то оснований историческую теорию Маркса в социологическую, Арон не заметил заключенной в ней апелляции к культуре — единственному гаранту будущего развития. Не замечают этого и другие критики Маркса.

Догматический ум сделает из сказанного следующий вывод: раз социализм и цивилизация — «две вещи несовместные», один из них надо отбросить. Либо социализм, либо цивилизация с ее рынком, частной собственностью и правовым государством. Раньше мы строили социализм, отбросив все нормы и институты цивилизованного общества. Ничего из этого не получилось. Сегодня мы хотим жить в цивилизованном обществе, следовательно, надо отказаться от социализма, причем не только на практике (где его, собственно, никогда не было), но и в теории. Можно

предположить, что и из этого ничего не получится. Ибо социалистическая критика цивилизации есть закономерное порождение той же самой цивилизации — ее самокритика и самоотрицание, без которых она просто не способна выжить и двигаться дальше.

Как любая динамическая система, современная цивилизация включает в свое движение момент собственного отрицания и самокритики, благодаря чему она и приобретает способность к движению. В этом ее отличие от статических, традиционно замкнутых цивилизаций Древнего мира, каждая из которых видела своего противника не в себе, а в других, истощая и разрушая себя в непрерывных войнах с ними. Застойный характер этих систем объясняется тем, что они не допускали критики в собственный адрес, испытывали по отношению к себе «чувство глубокого удовлетворения», а все недостатки и пороки приписывали своим близким или далеким соседям.

Цивилизация, родившаяся в Европе, несомненно, разделила бы судьбу предшествующих ей цивилизаций, если бы с момента своего возникновения в лице своей культуры постоянно не критиковала себя, не развивалась в весьма нелицеприятном для себя духовном контексте. Только в таком контексте могла возникнуть столь критическая теория, как социализм. Ее первоначальный радикализм во многом объясняется временем происхождения, когда бедственные для большинства людей социальные последствия цивилизации были слишком остры и заметны. С течением времени эта критика теряет характер классовой непримиримости, требующей применения революционного насилия, о чем свидетельствует вся последующая история западного марксизма. Но кто и сейчас может утверждать, что история завершилась, что современное западное общество есть предел желаемого состояния, если его оценивать с позиции все того же гуманистического идеала?

Сознание незавершенности, незаконченности исторического процесса, невозможности сведения его к какой-то окончатель-

ной фазе и есть главное в марксизме. Как бы ни изменилось в наше время социалистическое видение будущего, оно сохраняет свойственное марксизму критическое отношение к существующей реальности, ибо реальность самого социализма тождественна не просто обществу, которое можно раз и навсегда построить на радость всем, а всей человеческой истории в ее бесконечности.

Мы никогда не понимали этого центрального мотива Марксовой теории. Маркс не стремился нарисовать картину будущего общества, в котором люди наконец освободятся от истории, прекратят бег времени. Как раз наоборот. С коммунизма, по его мнению, как раз и начинается «подлинная история», история людей (в отличие от «предыстории» — истории вещей и идей), делающая человека содержанием и целью общественного развития. История — не просто сосуществование людей в том или ином социально организованном пространстве, а их жизнь во времени, которая не имеет конца и не может, следовательно, отлиться ни в одну законченную общественную форму. Не совершенное общество с совершенными людьми должно прийти на смену истории, а история наконец должна покончить со всяким общественным застоєм, с попытками задержать ее в той или иной точке развития.

«Решение загадки истории», названное Марксом коммунизмом, заключается в таком общественном состоянии, в котором история не стоит на месте, а движется в нужном ей направлении. Все предшествующие общества были своеобразными пожирателями времени: каждое из них пыталось остановить историю на себе, как бы перегородить собой исторический поток, считало себя последним в истории. Нужны были огромные человеческие усилия, вплоть до революционных, чтобы прорваться из одного общества в другое. Но может ли общество быть для истории не наглухо перегородивающей ее плотиной, а открытым шлюзом? Как примирить его с историей, сделать открытым к ин-

новациям и преобразованиям? Поставленный Марксом вопрос — это вопрос о том, *как жить не только в обществе, но и в истории*, то есть быть связанными друг с другом не только в пространстве, но и во времени, вступать в общение не только с современниками, но с предшественниками и потомками. Способность общаться во времени в наибольшей степени отличает человека от животного, делает его во всех смыслах человеческим существом.

Каким же может быть общество, позволяющее людям жить в истории, а не на ее обочине? Ведь его уже нельзя уподобить жестко институализированной социальной системе, предписывающей индивидам однозначные функции и роли. Вопреки тому что Карл Поппер писал о социализме, последний в своем замысле — намного более открытое общество, чем даже то, каким оно предстает в либеральной теории. Обвиняя Маркса в отсутствии у него «социальной технологии» будущего общества⁵, усматривая в идее социализма всего лишь историческое пророчество, Поппер не замечает заключенной в ней особой «технологии» — не экономической или политической, а культурной, апеллирующей к «всеобщему труду». Это тоже «социальная технология», но совершенно иная по сравнению с той, которую предлагает либерализм. Различие между ними необходимо теперь рассмотреть более подробно.

¹Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 21.

²Там же.

³Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 184.

⁴Там же. С. 183.

⁵«Как признает Ленин, — пишет Поппер, — в работах Маркса вряд ли вообще можно найти хотя бы одно слово об экономике социализма» (Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 99).

(Продолжение следует)